

Еще не остыли восторги от фестиваля музыки С. Прокофьева, состоявшемся в Марининском театре С.-Петербурга, и опять сомнения: приезжает Пласидо Доминго. Всемирно известный тенор будет петь главную партию в опере Верди «Отелло». 10 февраля высокого гостя встречали мэр города А. Собчак и художественный руководитель, главный дирижер театра В. Гергиев. 11 февраля в переполненном зале состоялась открытая репетиция, 12 — спектакль.

Это было первое выступление знаменитого артиста на оперной сцене нашей страны. По этому случаю в Петербург съехались гости не только из разных городов стран Содружества, но и из-за рубежа. Побывали на спектакле и владикавказцы, педагоги училища искусств А. Румянцев и М. Кнорозлы.

«...Усталые, измученные музыканты, обморочно-бледные под гримом артисты оперы после репетиции, весь огромный театр, от оркестровой ямы до бутафорских цехов с ног валившийся перед премьерой, — это Гергиев.

Остро-взыскательная публика, сияние старого лака и фразных пластронов в оркестре, ни с чем не сравнимая дрожь премьеры, рождение музыки и финальный шквал аплодисментов — это Гергиев.

Обиды и злые волнения в артистической, недовольство в оркестре, оскорбленные амбиции, суетные страсти — суеты, суеты, бесконечные суеты театральных самолюбий — это Гергиев.

Пьянящий воздух Европы, записи на крупнейших студиях мира, блеск, труд и усталость гастролей — это Гергиев.

И главное — бешеный, изматывающий, доводящий до бесчувствия, ритм, невыносимые требования и возмутительные сроки сдачи спектаклей — работа, которой до краев полны сутки, работа, несмотря ни на что и вопреки всему, — вот что такое для Марининки Гергиев.

В театре живет легенда. Когда в 1983 году отмечали 200-летие и готовили спектакль «Маяковский начинается», — перетрудились так, что Министерство союзной культуры в награду позволило... год не ставить ничего.

Сегодня на рубеже года, объявленного Прокофьевским, когда поставлено четыре новых оперных спектакля на его музыку, от эпической «Войны и мира» до мистико-философского «Огненного ангела», — те времена кажутся другим веком. Да так оно, в сущности, и есть.

Сев. Осетия. — Владикавказ. — 1991. — 22 февр. — с. 5

ЭТО — ГЕРГИЕВ

Еще несколько лет назад, глядя на афишу театра, не так легко было понять, двадцатый ли век на дворе. Прекрасный оркестр (созданный строгой требовательностью Темирканова), мировая известность (длится отчасти по инерции), тяжелая масштабность постановок. Но при этом отсутствие в репертуаре музыки крупнейших композиторов XX века, громоздкая группа, нечастые премьеры.

Переменилось все...

Громоздкий театр? Но разве под силу такому подготовить спектакль за полтора-два месяца? Былая слава, переходящая в забвение? Но сегодня в театре работают режиссеры мирового класса, постановщики из разных стран. И дело не в том, что Марининской опере аплодируют также в разных странах. Дело в новых возможностях творчества, дело в том, что труппа занимает все более прочное место в мировой музыкальной культуре. Дело, наконец, в деньгах, заработанных тяжким трудом. Но обеспечивающим театру независимость. Гигантская оперная труппа отныне условно разбита на четыре части. Каждая работает самостоятельно. Иные звезды, еще сравнительно недавно «гладившие в лес», репетируют теперь со страстью, самозабвенно, а постановочная часть театра уже давно была, какими бывают весна, зима, осень...

И вот он подходит к концу, этот бешеный, невероятный, потрясающий организм театра, год. Воистину он стал годом Сергея Прокофьева. Никогда еще столько его музыки не звучало в Петербурге и в мире. Наконец-то современники по-настоящему его услышали. За этот год театр и его главный дирижер совершили прорыв на новый уровень: поверили в себя сами и заставили поверить весь музыкальный мир. Год кончается — Прокофьев продолжается.

...Концертный костюм дирижера черно-белый. Но ни масштаб дара, ни этот характер в черно-белых тонах оценить невозможно. Талантливый и фантастически работоспособный, Валерий Гергиев стремится успеть все (темперамент толкает его и подхлестывает) — и не успевает по-настоящему сосредоточиться, углубиться. Он врывается в репетиции, внося блеск и оживление туда, где уже много потрудились опытные помощники. Он неистово жаждет до работы и этим — завораживает. Он обладает волей прирожденного лидера. Но он часто берет музыку крупным планом, оставляя в стороне тонкости детализации, и не любит шлифовать. Один из самых значительных молодых дирижеров страны, он ревнив к соперникам — и широк одновременно. Его обожают оркестранты Роттердама и Берлина; на его голову шлюют проклятия семьи

артистов Кировского театра. Он кажется мягким и обаятельным, но, говорят, в повседневной жизни его трудно назвать милым человеком.

Но, впрочем, дело не в том.

...Мы с дочерью опоздали в театр. Когда, задыхаясь, влетели в зал, уже звучала увертюра. «Где вы сидите?» — строгим шепотом спросила старая билетерша у входа. — «В партере», — переводя дух, сказала я. «Стойте здесь, — неожиданно молодого сверкнула она на нас взглядом, — вы можете помешать дирижеру».

Но когда, поставив первое действие, мы во втором заняли свои места и увидели дирижера вблизи, показалось: ничто не смогло бы ему помешать. Так, при всей чуткости к оркестру, он ушел от всего зала к музыке. А музыка его в тот день будто кипела. Это кипение он передал не только оркестру, но и всему театру.

Вопреки полуразрушенным зданиям возле Театральной, вопреки черным хвостам в булочную (их хорошо видно из окон театра), вопреки времени, которое все чаще дает нам почувствовать зыбкость существования, — в театре торжествует праздничная жизнь. Ибо это и есть жизнь».

Марина ТОКАРЕВА.
(«Невское время»,
31 декабря 1991 г.).